

В тот момент, когда Чу Шучэнь встретился взглядом с Дуань Уюнем, его выражение лица застыло от растерянности, но затем бушующая вокруг него аура постепенно успокоилась. Он опустил голову, глядя на собственный меч, и неподвижно вернулся к образу вызывающего всеобщее благоговение Даоцзуна Учжэна. К счастью... главное, что этот человек по фамилии Дуань всё ещё здесь.

Сердце Дуань Уюня ёкнуло. Обменявшись взглядами, он понял: этот ублюдок пришёл убить его! Дуань Уюнь бросил перед собой артефакт для полётов и, развернувшись, бросился наутёк.

Чу Шучэнь приоткрыл рот, словно собираясь что-то объяснить, и бросился в погоню по пятам, поднимая на уши всех культиваторов в городе.

Чем быстрее бежал Дуань Уюнь, тем яростнее преследовал его Чу Шучэнь. На беду, Дуань Уюнь в совершенстве владел Путём убийства и был мастером побегов, то и дело вытаскивая и швыряя на ходу разнообразные сокровища для спасения жизни, так что даже Чу Шучэню приходилось изрядно напрягаться, чтобы не отстать.

Проведя в погоне добрых полчаса, Чу Шучэнь прикусил угол губы и рявкнул:

— Стоять!

Его голос прозвучал настолько властно, что Дуань Уюня аж передернуло от щелчка в голове. Разве мог он теперь остановиться?

В конце концов Чу Шучэнь перестал преследовать беглеца и опустился на вершину какой-то горы. Неужели он действительно больше никогда не сможет показаться перед Дуань Уюнем с настоящим лицом? Чу Шучэнь смотрел вслед удалявшемуся силуэту:

— Неужели я тебе настолько противен?

После их расторжения брака Дуань Уюнь каждый раз при встрече улепётывал с невероятной скоростью. А ведь тогда, в самом начале, именно он первым признался в чувствах. Теперь же отпустить всё не мог почему-то только сам Чу Шучэнь.

Он прожил тысячу с лишним лет в спокойствии, не зная ни радостей, ни печалей, пока Дуань Уюнь не ворвался в его жизнь, словно внезапно явившееся живое чудо. Но теперь это чудо должно исчезнуть, оставив его одного утолять жажду отравленным вином, терзаясь несбыточными надеждами.

Пробежав какое-то расстояние и обнаружив, что погоня прекратилась, Дуань Уюнь наконец присел перевести дух:

— Да чтоб меня, с какой стати я вообще вздумал добиваться тебя ради какой-то там благодарности! Вот соберу все ингредиенты для рецепта, вылечу тебя — и отправлюсь в другие великие миры жить в своё удовольствие, наплевав на всё!

Чу Шучэнь был для него словно недостижимые снега Крайнего Севера: казалось, протяни руку — и коснёшься, но на деле растопить этот холод не было ни единого шанса.

Постояв немного на вершине горы, Чу Шучэнь медленно отвёл взгляд и вернулся в поместье семьи Бай, вновь натянув на себя личину Вань Ликуна. Он сидел у окна с деревянным брусом в руке, по кусочку вырезая фигурку марионетки. По мере того как его рука с резцом двигалась всё быстрее, контуры куклы становились всё отчётливее, на девяносто процентов копируя черты Дуань Уюня.

Ближе к вечеру Дуань Уюнь вернулся вороватой походкой.

— ...

Вань Ликун не знал, что на это ответить, и спустя долгое время смог лишь выдавить из себя:

— Как-никак, он твой Дао-партнёр. Что бы ни случилось, причинять тебе вред он не станет ни при каких обстоятельствах.

На этих словах он слегка запнулся.

Дуань Уюнь вежливо улыбнулся ему.

Вань Ликун невозмутимо поинтересовался:

— О?

Дуань Уюнь долго вглядывался в него, а затем тяжело вздохнул:

— Эх, если бы он обладал хоть капелькой твоей культуры и рассудительности! На твоём месте, товарищ по практике, я бы ни за что не стал искать себе в Дао-партнёры безграмотного головореза. Неумение читать книги — сущий кошмар, способный сгубить человека.

Услышав ответ собеседника, Дуань Уюнь воодушевился ещё сильнее:

— Представляешь, вчера едва я спустился с горы, как моё бывшее исчадие ада, в смысле, бывший Дао-партнёр, гонялся за мной полдня с мечом наперевес! Разве это вообще поступает нормальный человек?

— Разве в мире существуют вечные и неизменные чувства?

Вань Ликун спрятал недорезанную марионетку и принялся разглядывать его через окно.

— Вчера у меня возникли кое-какие личные дела, — перейдя к жалобам, Дуань Уюнь был не в силах сдержать наболевшее. — Товарищ по практике Вань, выбирая Дао-партнёра, ни в коем случае нельзя западать исключительно на красивую мордашку. Иначе потом горько

пожалеешь — и поводов для раскаяния будет хоть отбавляй.

— Муж и жена один год — а благодати на сто дней.

— Ты не пришёл вести лекцию.

Дуань Уюнь озадаченно почесал в затылке:

— Разве я чем-то обидел товарища по практике?

— Не верю, — произнёс Вань Ликун. — Зато если полюблю кого-то, то это будет надолго.

С этими словами он закрыл окно.

Вань Ликун сохранял ледяное выражение лица: улыбаться столь ослепительно этому заурядному лицу он мог запросто, а при виде его истинного облика шарахался, как чёрт от ладана.

Вань Ликун посмотрел на него:

— Тогда зачем ты вообще добивался его в самом начале?

— Мы уже разошлись.

— ...

Вань Ликун на мгновение умолк:

— Даже если сделка не удалась, доброжелательность должна остаться.

Дуань Уюнь тронул пальцем уголок губ и усмехнулся:

— А я верю, что они есть.

Дуань Уюнь отмахнулся, демонстрируя полное нежелание ворошить прошлое:

— По молодости сердце словно бараньим жиром заплывало. А теперь, когда прошёл трёхлетний зуд, в голове наконец-то прояснилось.

Вань Ликун на секунду задумался:

— С чего ты взял, что это была погоня с целью убийства?

Дуань Уюнь одарил его красноречивой улыбкой:

— А по-твоему, когда твой бывший преследует тебя за тридевять земель с обнажённым мечом, он делает это, чтобы угостить тебя арбузом?

— У нас даже постели не было.

Дуань Уюнь ещё какое-то время стоял посреди комнаты, машинально пытаясь нащупать на поясе нефритовый кулон Люханьюй. Пальцы рассекли пустоту, и лишь тогда он вспомнил, что кулона при нём больше нет. Впрочем, он ни о чём не жалел. Если бы он отказался расторгнуть брак с Чу Шучэнем по требованию Ду Сяо, то никогда бы не получил рецепт лекарства для спасения Чу Шучэня. Теперь же, поразмыслив после разрыва, он понял: между ним и Чу Шучэнем изначально не было глубоких чувств. Даже не расторгни они союз тогда, расставание всё равно неизбежно произошло бы позже.

Чу Шучэнь был предречен путь человека, что вознесется превыше девяти небес: без Дао-партнёра, без сердечной привязанности, без кармических ууз. Вот истинный путь, по которому он должен идти. Они изначально принадлежали к разным мирам. Дуань Уюнь повернулся и вошёл в свою спальню.

— Старший Юэ, — Цзян Цзюгуй, наводивший порядок в комнате, приветливо поздоровался с ним.

Оглядев безупречно чистую комнату, Дуань Уюнь мысленно воздал хвалу небесам: жизнь, когда за тобой кто-то ухаживает, и впрямь прекрасна! Да пошёл он к чёрту, этот Чу Шучэнь! К чёрту этих проклятых Дао-партнёров! Как только он добудет противоядие для Чу Шучэня, то наберёт себе побольше учеников-служек и заживёт в своё удовольствие.

Цзян Цзюгуй налил Дуань Уюню чашку духовного чая и с сомнением в голосе спросил:

— Старейшина Юэ, могу я завтра прийти в Зал наставлений послушать вашу лекцию?

— Разумеется.

Дуань Уюнь неплохо разбирался в искусстве пилюлеварения. Круг его интересов был чрезвычайно широк, и в самых разных направлениях Дао он смыслил если не всё, то многое, так что на следующий день вести занятие для учеников ему было невероятно легко. Вместо того чтобы вдаваться в теорию духовных трав, как это делал Вань Ликун, он сразу перешел к практике, обучая всех искусств создания пилюль.

— Каждый из вас здесь присутствующих, должно быть, уже имеет базовое представление об алхимии, а кое-кто наверняка и сам успел сварить немало пилюль, — начал Дуань Уюнь. — Однако сегодня я расскажу о том, как повысить вероятность успешного создания пилюль и их высшее качество.

Он излагал суть того, чем хотел поделиться, на самом простом и понятном для этих учеников

языке.

Слушатели в зале обладали теми или иными познаниями в алхимии, а некоторые и вовсе специализировались именно на ней. Чем дальше они слушали, тем сильнее убеждались, что познания Дуань Уюнь в алхимическом искусстве поистине огромны. Невольно они подумали: надо же, какой сильный этот старейшина Юэ! Интересно, не набирает ли он учеников? И стоило этой мысли зародиться в их головах, как кто-то озвучил её вслух.

Человек, задавший вопрос, сидел в самом последнем ряду. Внешностью он особо не выделялся, но от него исходила такая доброжелательная аура, что к нему невольно тянуло:

— Не думает ли старейшина Юэ в будущем взять учеников?

Дуань Уюнь поднял глаза и увидел, что это Бай Ишань. Этот парень всё-таки пришёл.

Заметив, что Дуань Уюнь отвечает не сразу, Бай Ишань смущенно покраснел.

Дуань Уюнь ответил:

— Путь, по которому иду я, весьма своеобразен: среди мириадом людей лишь единицы достигают на нём успеха, и я сам не берусь предсказать, каких высот сумею достичь в будущем. Поэтому учеников я не беру. У каждого из нас свой собственный путь Дао, постигать который можно и без помощи наставника. То, что подходит именно тебе — это и есть лучшее Дао. А чужие учения могут служить лишь ступенью для постижения собственного пути, нельзя же ставить всё с ног на голову и слепо гнаться за чужими идеями.

Кто-то испуганно выдохнул:

— Старейшина Юэ, неужели алхимия настолько жестока?

— Алхимическое искусство тоже делится на разные школы, точно так же, как и мечничество разделяется на путь бесчувственности и путь потакания страстям, — пояснил Дуань Уюнь.

Сама по себе алхимия, конечно, не была столь жестокой, вот только Путь убийства никогда не получал признания Небесного Пути, и за всю историю трёх тысяч миров ещё не нашлось ни единого человека, сумевшего вознестись с помощью Пути убийства.

Услышав это, Бай Ишань сложил руки в почтительном поклоне:

— Младший Бай Ишань, благодарю старшего за наставление.

Хотя Дуань Уюнь сам позвал его в Зал наставлений в тот день, Бай Ишань чувствовал, что этот старейшина вовсе не знает его в лицо, поэтому всё же посчитал нужным представиться.

В Зале наставлений на мгновение воцарилась абсолютная тишина. Бай Ишань — младший сын

главы семьи Бай, почему он явился сюда слушать лекцию для рядовых учеников? Разве для него не должны нанять отдельного персонального наставника? До чего же сильно глава семьи Бай пренебрегает этим юношей!

Бай Ишань сидел с абсолютно невозмутимым выражением лица, словно вовсе не замечая направленных на него разноречивых взглядов. Он не был глупцом и прекрасно понимал всё, что о нём думали окружающие. Но что с того? Раз его собственный природный талант не блещет, глупо винить кого-то в том, что никто не хочет его учить, а тем более обижаться на пересуды за спиной.

Цзян Цзюгуи сидел по левую руку от Бай Ишаня. Не умея держать язык за зубами, он брякнул:

— А лекции-то здесь читают очень толковые.

Бай Ишань слегка вздрогнул, не ожидая, что кто-то вступится за него, и повернулся к Цзян Цзюгуи с благодарным взглядом.

Цзян Цзюгуи подмигнул ему.

Продолжая вести занятие, Дуань Уюнь прочёл лекцию, а спустя полчаса заметил приближающегося Вань Ликун, который шёл принимать у него эстафету, и завершил урок. Он поприветствовал Вань Ликун, но уходить не спешил — вместо этого он опустился на свободное место рядом с Бай Ишанем и, усевшись словно простой ученик, тоже принялся слушать.

Вань Ликун, державший в руках мешок пространственного хранения, на секунду замер. Затем, как обычно, он извлек из мешка духовные травы и стал по очереди рассказывать об их свойствах и фармакологическом составе. Сегодня он объяснял материал с предельной, дотошной тщательностью: ему хотелось продемонстрировать перед Дуань Уюнем свою эрудицию, доказав, что он вовсе не какой-то безграмотный головорез.

Слушая неторопливый и размеренный голос лектора, Дуань Уюнь постепенно уткнулся носом в стол и задремал. До чего же этот человек напоминал Чу Шучэнь! Только вот сам Чу Шучэнь никогда не обладал такой человечностью. Он попросту не был способен с таким мирным и ровным выражением лица передавать знания ученикам и тем более — произносить столько слов подряд.

Вань Ликун бросил косой взгляд на макушку дремлющего Дуань Уюня, и голос его в этот момент стал на несколько градусов холоднее. Какая же трата сил — метать бисер перед свиньями!

Находящиеся в зале ученики дружно передёрнули плечами от пробежавшего по спине холодка. С чего это вдруг посреди жаркого лета повеяло ледяной сыростью, будто перед снегопадом?

Во сне Дуань Уюнь по привычке окружил себя защитным теплоизоляционным барьером — эта полезная привычка выработалась у него за годы жизни на Крайнем Севере.

Бросив ещё один взгляд на Дуань Уюня, Вань Ликун извлёк наружу стебель духовной травы, излучавший слабое звёздное сияние:

— Это Трава призрачных снов. Сияние, которое она испускает — это её пыльца. Стоит человеку вдохнуть её, как ему начнут сниться кошмарные демоны, на избавление от которых уйдёт не менее трёх месяцев.

С этими словами он сошел с возвышения для лекций.

— Для тех культиваторов с низким уровнем культивации, которые ещё не перешли на полное питание духовной энергией, при встрече с этой травой в дикой природе лучше держаться от неё подальше.

Подойдя к Дуань Уюню, Вань Ликун положил Траву призрачных снов прямо на его стол.

Уловив плывущий в воздухе тонкий аромат, Дуань Уюнь повёл носом, но просыпаться не стал.

Все ученики в зале, затаив дыхание, следили за движениями Вань Ликун и теперь дружно уставились на спящего.

Бай Ишань и Цзян Цзюгуй замерли с невысказанными на устах словами.

Дуань Уюню снился сон. Всё начиналось с того, что Чу Шучэнь нежно что-то шептал ему на ухо, но внезапно, по неизвестной причине, снова попытался убить его ради достижения Дао. Разве мог Дуань Уюнь с этим согласиться? И он бросился бежать. В конце концов Чу Шучэнь от собственного гнева буквально взорвался на куски, а Дуань Уюнь горько рыдал, обнимая его оставшуюся целой голову.

Заметив, что уголки глаз Дуань Уюня покраснели и из них скатилась чистая слеза, Вань Ликун на мгновение засомневался, убрал Траву призрачных снов и мягко потряс его за плечо:

— Это всего лишь сон.

— Чу... — Дуань Уюнь открыл глаза, увидел лицо Вань Ликун, и имя, уже готовое сорваться с губ, оборвалось на полуслове.

<http://bllate.org/book/22058/2293650>